

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1
(4)
ВЕСНА — ЛЕТО
2006

Журнал основан в 2004 году
Выходит 2 раза в год

К 80-летию
со дня рождения
Л.Н. Меньшикова

В НОМЕРЕ:

<i>И.Ф. Попова.</i> Лев Николаевич Меньшиков (1926–2005)	5
<i>Фу Сянь-чжань.</i> Памяти Мэн Ле-фу	16
<i>М.В. Баньковская.</i> Не последний поклон	20

ПУБЛИКАЦИИ

Биографии корейских монахов-паломников в «Хэдон косын чон» и «Да Тан си юй цю фа гао сэн чжуань». Сравнительный анализ и перевод с ханмуна <i>Ю.В. Болтач</i>	22
«Гундзин тэкую» («Императорское указание военно-служащим») как памятник военной истории Японии. Введение, перевод с японского и примечания <i>Е.М. Османова</i>	46
Из сборника Су Ши «Дун-по чжи линь» (материалы к истории сунских <i>бицзи</i> , 6). Комментированный перевод с китайского <i>И.А. Алимova</i>	54
<i>Ал-‘Аллāма ас-саййид</i> Мухаммад Хусайн ат-‘Абāтабā’ий (ум. в 1402/1981 г.). «Весы (справедливости) в толковании ал-Кур’ана» (ал-Мйзāн фй тафсйр ал-Кур’ан). Перевод с арабского и примечания <i>С.М. Прозорова</i>	82

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>А.Е. Иванов.</i> «Цзо чжуань» и «Ши цзинь»: от цитаты — к первоисточнику	108
<i>В.Л. Успенский.</i> Поездка иеромонаха Амфилохия в Монголию в 1912–1914 гг.	137

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2006

<i>М.И. Воробьева-Десятовская.</i> Фрагмент письма мхароштки из коллекции С.Ф. Ольденбурга	145
<i>С.Л. Невелева.</i> Именованье персонажей в «Махабхарате»	150
<i>И.Т. Зограф.</i> Части речи в среднекитайском языке (по памятникам средневекового <i>байхуа</i>)	164
<i>Е.В. Степанова.</i> Радость странствий: Эпиграфика	181
<i>И.И. Надиров.</i> Древнеарабский культ орла (по эпиграфическим материалам)	194

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>А.Д. Кныш.</i> Историография исследований по суфизму на Западе и в России (на англ. яз.)	206
<i>Е.И. Кычанов.</i> Источник по истории тибетского права в китайском переводе	239
<i>Р.С. Бейсебаев.</i> К вопросу о соотношении текстов ал-Истахри и Ибн Хаукаля в разделе о Мавараннахре	244

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

На четвертой сторонке обложки:	<i>Л.И. Чугуевский.</i> Шиллинг Павел Львович [Обозрение фонда № 56 Архива востоковедов СПбФ ИВ РАН]. Вступление и публикация <i>И.Ф. Поповой</i>	249
Из китайского альбома акварелей на «рисовой» бумаге (<i>тунцао</i>) в собрании СПбФ ИВ РАН (Фонд Китайский Nova 15)	<i>Н.В. Кюнер.</i> Н.Я. Бичурин и изучение истории Центральной Азии (по материалам его «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»). Вступление и публикация <i>А.М. Решетова</i>	263

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

	<i>И.В. Кульганек.</i> Конференция «215 лет изучения монгольского фонда Азиатского музея — СПбФ ИВ РАН: от первого списка до трехтомного каталога» (Санкт-Петербург, 6 июня 2005 г.)	273
	<i>Т.А. Пан.</i> 2-я Северо-Американская международная конференция по маньчжуроведению (Гарвардский ун-т, США, 27–29 мая 2005 г.)	276
Над номером работали:	<i>И.Ф. Попова, Таката Токио.</i> Семинар «Дуньхуановедение на берегах Невы» (Санкт-Петербург, 4–6 июля 2005 г.)	279

Т.А. Аникеева
В.В. Волгина
Р.И. Котова
А.А. Ковалев
О.В. Волкова
М.П. Горшенкова
В.И. Мартынюк
А.В. Богатюк
Э.Л. Эрман

РЕЦЕНЗИИ

<i>К.Г. Маранджян.</i> «Уцухо-моногатари» («Повесть о дупле») Введ., пер. и примеч. В.И. Сисаури	282
<i>Т.И. Виноградова.</i> Views from the West. Collection of 19th century pith paper watercolours donated by Mr. Ifan Williams to the City of Guangzhou	284

Н.В. Кюнер

Н.Я. Бичурин и изучение истории Центральной Азии (по материалам его «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»)

Вступление и публикация А.М. Решетова

В связи со столетием со дня кончины выдающегося российского ученого, основоположника отечественного научного китаеведения, чл.-корр. Императорской Академии наук Никиты Яковлевича Бичурина, в монастыре отца Иакинфа (1777–1853), которое исполнялось в 1953 г., Сектор восточных рукописей Института востоковедения АН СССР в Ленинграде¹ решил подготовить небольшой юбилейный сборник. Эту работу возглавил зав. Сектором канд. ист. наук Д.И. Тихонов. Среди авторов были сам Д.И. Тихонов со статьей «Русский китаевед первой половины XIX века Иакинф Бичурин», проф. Н.В. Кюнер — «Н.Я. Бичурин и изучение Центральной Азии», канд. ист. наук З.И. Горбачева — «Неопубликованные труды Н.Я. Бичурина», с.н.с. Б.И. Панкратов — «Н.Я. Бичурин как переводчик» и др. Примерно за полгода до окончания работы над сборником дирекция Института приняла решение обсудить его в Секторе Китая в Москве.

28 августа 1952 г. в Секторе Китая Института востоковедения АН СССР в Москве состоялось обсуждение рукописи сборника, посвященного Н.Я. Бичурину². Заседание проходило под председательством и.о. зав. Сектором канд. экон. наук Г.В. Астафьева, при секретаре канд. филол. наук А.А. Калимове. В заседании участвовали проф. Б.К. Пашков, Т.Н. Акатова, Н.М. Гольдберг, В.П. Леонтьев, В.Н. Никифоров, А.И. Стадниченко, Н.П. Шастина и др. Представлявший рукопись сборника Д.И. Тихонов признавал, что из-за недостатка специалистов в Секторе рукописей не все вопросы, связанные с деятельностью Н.Я. Бичурина, освещены в достаточной степени. Так, например, в сборнике отсутствует статья об о. Иакинфе как о лингвисте. В процессе обсуждения был сделан ряд замечаний относительно качества статей, а также высказаны пожелания дополнить сборник новыми статьями. В результате были приняты следующие решения:

1. Одобрить инициативу Сектора восточных рукописей на создание сборника, посвященного столетию со дня смерти Н.Я. Бичурина.
2. Считать необходимым значительно расширить тематику сборника в целях всестороннего освещения личности и научной деятельности Н.Я. Бичурина как историка, географа, общественно-политического деятеля, надо доказать его связь с передовыми людьми своего времени, следует остановиться на характеристике русско-китайских отношений и роли Н.Я. Бичурина в сближении народов и т.д.
3. Наметить в качестве авторов дополнительных статей Б.К. Пашкова, Л.В. Симоновскую, А.А. Драгунова, А.И. Стадниченко, чл.-корр. АН СССР А.Ю. Якубовского.
4. Рекомендовать авторам сборника Д.И. Тихонову, Б.И. Панкратову и З.И. Горбачевой учесть замечания.
5. Срок представления после доработки — конец октября с.г.

¹ Так называлась оставшаяся в Ленинграде часть Института востоковедения АН СССР после перевода его центра в Москву вплоть до 1956 г., когда было создано Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР во главе с акад. И.А. Орбели.

² Протокол заседания Сектора хранится в Архиве Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, ф. 8, оп. 1, д. 462, л. 19–21.

Д.И. Тихонов согласился с необходимостью доработки статей и расширения состава авторского коллектива. Однако судьба сборника оказалась печальной: в конечном итоге он в таком расширенном варианте не был подготовлен и соответственно не был издан. Некоторые из статей сборника в разное время были напечатаны в различных изданиях: в 1954 г. статья Д.И. Тихонова³, в 2002 г. — статья Б.И. Панкратова⁴.

Относительно статьи проф. Н.В. Кюнера не было сделано никаких серьезных замечаний. Н.П. Шастина высказала суждение, что, по ее мнению, название статьи не соответствует ее содержанию, поскольку она затрагивает более узкий аспект. Очевидно, почтенный автор согласился с мнением рецензента и добавил подзаголовок (по материалам его «Собраний сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»), указывавший, что именно эта книга стала основой его статьи. Тот факт, что автор сконцентрировался на одном источнике, с моей точки зрения, объясняется тем, что именно в конце 40-х — начале 50-х годов он работал над подготовкой нового издания этой книги своего великого предшественника. Очевидно, сразу опубликовать доработанный текст статьи Николаю Васильевичу Кюннеру не удалось, а 5 апреля 1955 г. его не стало. Рукопись данной статьи хранится в Архиве Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН⁵.

Несмотря на то что со времени написания этой статьи Н.В. Кюнера прошло уже полвека, она и сегодня представляет значительный интерес для специалистов, изучающих проблемы истории и этнографии народов Центральной Азии. Можно не сомневаться, что ее публикация будет полезной для всех изучающих разные аспекты центральноазиатской историко-этнографической области⁶.

А.М. Решетов

История Центральной Азии является одним из важнейших разделов всемирной истории и вместе с тем включает историю определенного этапа — пастушеского, или скотоводческого, — в развитии человеческой культуры. Поэтому изучение истории Центральной Азии начинается с раннего времени существования историографии у тех из оседлых народов, которые по причине соседства или ради удовлетворения тех или иных потребностей — политических, экономических или культурных — вступали в отношения с народами Центральной Азии.

Наиболее ранними или, во всяком случае, наиболее известными эти отношения оказывались у китайского народа, который на протяжении всей северной и западной границы своей страны был с давних времен или даже всегда непосредственным соседом кочевых народов Центральной Азии. И этим объясняется, что китайская историография так полно и широко отразила на страницах многих трудов последовательный ход отношений с кочевыми народами и связанных с ними событий внутреннего развития указанных народов.

Эта сторона китайской историографии придает в глазах исследователей особое значение китайским источникам среди других ранних письменных источников, изображающих историю (с момента ее зарождения) народов Центральной Азии.

³ См.: Тихонов Д.И. Русский Китаевед первой половины XIX века Иакинф Бичурин // Ученые записки ЛГУ, № 179. Серия востоковедческих наук. Вып. 4. Л., 1954. С. 281–308.

⁴ См.: Панкратов Б.И. Н.Я. Бичурин как переводчик. Публикация И.Ф. Поповой и В.С. Мясникова // Проблемы Дальнего Востока. 2002, № 4. С. 145–158.

⁵ См.: Архив Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Ф. 8, оп. 1, д. 462, л. 1–18.

⁶ Далее в публикации все ссылки на работу Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа) «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» принадлежат Н.В. Кюннеру. О Кюннере см.: Решетов А.М. Основные этапы жизни и научной деятельности профессора Н.В. Кюннера // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 108–123.

На основе китайских источников в первую очередь велось изучение истории Центральной Азии, когда это изучение сделалось специальной отраслью востоковедения и у нас и за рубежом.

Советская наука успешно использует достигнутые старым Китаеведением результаты изучения китайских источников по истории Центральной Азии и при помощи марксистской методологии углубляет и расширяет исследование этих источников в направлении вновь выдвигаемых советской наукою задач.

Над практическим освоением богатства фактов китайских источников и введении его через переводы в научный обиход немало потрудились представители старого Китаеведения, особенно Никита Яковлевич (Иакинф) Бичурин¹. Его замечательный труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», вышедшей в 1851 г., в трех частях и переизданный Институтом этнографии Академии наук СССР в 1950 г.², целиком относится к истории Центральной Азии (по терминологии И. Бичурина — Средней Азии)³. Вследствие высоких достоинств этот труд поныне продолжает служить неизменным пособием по изучению истории народов этой области азиатского материка за древний период и раннее средневековье (до начала X столетия).

Ценность китайского текста, в основном из династийных историй (от *Ши цзи*⁴ до *Тан шу*⁵ включительно), и надежное качество перевода Бичурина остаются непоколебленными, несмотря на более 100 лет, истекших со времени первого издания этого труда. Единственное изменение, в котором этот труд ныне нуждается, это дополнение сделанных Бичуриным переводов выдержками из других китайских сочинений, не использованных Бичуриным, или из тех же сочинений, которые были использованы им, но взятых в улучшенной редакции китайского текста и с новыми комментариями.

Материалы, изложенные Бичуриным в рассматриваемом труде, как сказано, относятся к изучению истории Центральной Азии в определенных рамках времени. Поэтому ознакомление с трудом наилучшим образом показывает общие задачи изучения данной истории, как их понимал сам Бичурин. Несомненно, что когда Бичурин работал над китайскими источниками, он руководствовался определенными установками китайской историографии в отношении оценки роли народов Центральной Азии при изучении их внутренней и внешнеполитической истории.

¹ О Никите Яковлевиче Бичурине, в монастыре о. Иакинфе (1777–1853), существует значительная литература. См.: *Скачков П.Е.* Очерки истории русского Китаеведения. М., 1977; *Денисов П.В.* Никита Яковлевич Бичурин: очерк жизни и творческой деятельности ученого-востоковеда. Чебоксары, 1977; Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение. (К 200-летию со дня рождения). Материалы конференции. Ч. 1–2. М., 1977; *Хохлов А.Л.* Н.Я. Бичурин и его труды о Монголии и Китае // Вопросы истории. 1978, № 1. С. 55–72.

² См.: *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I–II. М.–Л., 1950; т. III. 1953.

³ Вопрос о соотношении понятия «Центральная и Средняя Азия», о границах Центральной Азии является дискуссионным. Об этом см.: *Решетов А.М.* Центральная Азия как историко-этнографическая область // V Международный конгресс монголоведов. Доклады советской делегации. III. Археология, культура, этнография, филология. М., 1987. С. 127–136.

⁴ *Ши цзи* («Исторические записки», «Записки историка», «Записки историографа») — сочинение основоположника китайской историографии, «отца китайской истории» Сыма Цяня (145?–86? гг. до н.э.), первое в Китае историко-биографическое произведение с применением хронологического принципа при написании истории от легендарного Хуанди (Желтого императора) до середины династии Восточная Хань (начало I в. до н.э.). Труд Сыма Цяня стал образцом для китайских историков при создании исторических сочинений. См.: *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи). Под общей ред. Р.В. Вяткина. Т. I–VIII. М., 1972–2002. О Сыма Цяне и его сочинении см.: *Кроль Ю.Л.* Сыма Цянь — историк. М., 1970.

⁵ *Тан шу* — династийная история эпохи Тан. Династийные истории по традиции составлялись, как правило, уже после падения соответствующей династии. Об истории создания сочинения см.: *Флуг К.Л.* История китайской печатной книги сунской эпохи X–XIII вв. М.–Л., 1959; *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002. С. 127–135.

При чтении китайских исторических сообщений о народах и племенах, обитавших по соседству с Китаем, наше внимание останавливается на весьма примечательном обстоятельстве: китайские повествования о любом народе или племени обязательно начинаются с указания его происхождения или просто связи с определенным, ранее известным народом или племенем. В этом обстоятельстве надо видеть не только преемственность изложения истории других народов у разных китайских авторов, но и нечто большее — стремление китайских историков связать между собою различные народы и племена единством происхождения и последующего развития и посредством такой связи наметить для отношений с этими народами наилучшую политическую линию⁶.

Китайская политика по отношению к другим народам всегда исходила из практических соображений, обычно подсказанных прежним опытом отношений с ними, причем направляющая линия политики менялась применительно к тому или другому народу. Для выработки такой линии китайскому правительству всегда было важно знать о наличии связи между различными народами и племенами. Важно было также знать степень хозяйственного и общественного развития этих народов и племен и сходство их политической организации и культурного состояния. Этим объяснялось неизменное внимание китайских историков, учитывавших интересы руководящих кругов, к обстоятельному выяснению происхождения отдельных народов. В простейшей форме это делалось посредством указания их предков или предшественников в лице ранее известных Китаю народов, хотя бы уже сошедших с исторической сцены.

Ниже приводим несколько примеров, взятых из названного труда Бичурина, для подтверждения существования такого обычного правила, характерного для китайских историков, в первую очередь у историков Ханьской⁷ и Танской⁸ эпох.

«Предок хуннов был потомок Дома Хя-хэу-ши (т.е. древней династии Ся, 2205–1784 гг. до н.э. — *Н.К.*), по имени Шунь-вэй. Еще до времен государей Тхан и Юй (императоров Яо, 2357–2368 гг., и Шунь, 2255–2208 гг. до н.э. — *Н.К.*) находились поколения Шань-жун, Хяньюнь и Хуньюй (из китайских комментариев видно, что племенами Хяньюнь и Хуньюй ранее назывались позднейшие хунны. — *Н.К.*). Обитая за северными пределами Китая, переходят со своим скотом с одних пастбищ на другие»⁹.

«От удела Янь на север находились поколения Дун-ху и Шань-жун»¹⁰ (это сообщение относится ко времени правления Циньского князя Му-гуна, 654–621 гг. до н.э. — *Н.К.*). Китайский комментатор Янь Шы-гу пишет, что «поколения Дун-ху и Шань-жун суть предки Дома Ухуань, впоследствии сделавшегося известным под названием Сяньби»¹¹.

⁶ Вывод Н.В. Кюнера, сделанный на основе китайских источников, о стремлении китайских историков связывать между собою различные народы и племена единством происхождения и последующего развития и посредством такой связи наметить наилучшую политическую линию для отношений с этими народами представляется весьма значительным. Современные китайские ученые это единство различных народов и племен Китая называют китайской нацией (*чжунхуа миньцзу*). См.: *Фэй Сяотун и др.* Китайская нация — плуралистическая цельная структура (*Чжунхуа миньцзу доюань ити гэцзюй*). Пекин, 1989.

⁷ Ханьская эпоха (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) — о ней см.: *Очерки истории Китая. С древности до «опиумных» войн.* Под ред. Шан Юэ. М., 1959. С. 37–118; *Синицын Е.П.* Бань Гу — историк древнего Китая. М., 1975; *Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983; *Малявин В.В.* Гибель древней империи. М., 1983; *История Китая.* Под ред. А.В. Меликсетова. М., 1998. С. 111–147.

⁸ Танская эпоха (618–907) — об ней подробнее см.: *Очерки истории Китая. С древности до «опиумных» войн.* Под ред. Шан Юэ. М., 1959. С. 197–258; *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII). М., 1984; *Смолин Г.Я.* Они бросили вызов Небу. Т. 1. СПб., 1997; т. 2, 2000; *История Китая.* Под ред. А.В. Меликсетова. М., 1998. С. 165–198; *Попова И.Ф.* Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М., 1999.

⁹ *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах. Т. 1. С. 39.

¹⁰ Там же. С. 43.

¹¹ Там же. С. 43, примеч.

«Предки тукюеского (в первоиздании: дулгаского. — *Н.К.*) Дома обитали от Западного моря на запад и одни составляли аймак. Это есть отдельная отрасль Дома Хунну, по прозванию Ашина»¹².

«Предки Дома ойхор (хойху) были хунны (т.е., по мнению Бичурина, владетельный Дом ойхоров (хойху) происходил из дома Хунну. — *Н.К.*). Они обычно ездили на телегах с высокими колесами; почему при династии Юань-Вэй (с 386 г.) еще называли их Гаогюй»¹³.

«Ухуань есть Дунху. В начале династии Хань хуннский Модэ уничтожил Дом Дун-ху. Остатки его осели при Ухуаньских горах, от которых приняли и название себе»¹⁴. «Сяньбийцы также составляют отрасль Дома Дун-ху, отдельно осевших при горах Сяньби-шань: почему от них и название себе приняли»¹⁵.

«Дом Кидань есть отрасль Дома Дун-ху. Предки его, пораженные хуннами, осели у Сяньбийских гор»¹⁶.

«Дом Хи [Си] собственно называются Кумохи. Предки его произошли из Дома Юйвынь, принадлежавшего к восточному Ху»¹⁷.

Приведенные примеры могут быть умножены; во всех них происхождение ряда народов ведется от двух народов (Домов), хорошо известных китайцам в III в. до н.э. и раньше, так что китайская политика в действиях по отношению к позднейшим народам, по мере их появления на исторической сцене, могла ориентироваться по давно знакомым прецедентам. Кроме того, эти указания китайских историков правильно отмечают племенные и иные связи между названными народами и устанавливают нередко общность происхождения, а в дальнейшем изложении также общность или близость прочих признаков (политических, экономических, культурных, языковых), свойственных всем этим народам.

Конечно, в своих сообщениях о происхождении того или другого народа китайские историки того времени, как и многие позднейшие историки и этнографы, были далеки от современных представлений относительно этногенеза, проблемы которого столь успешно разрабатываются советской наукой. Однако они ясно излагали генетическую связь между различными народами, так что современным исследователям при изучении вопросов о происхождении народов Центральной Азии достаточно бывает проследить соответствующие китайские указания для решения вопросов этногенеза народов Центральной Азии.

Правильно устанавливая связь между различными народами по признакам общего или близкого происхождения, китайские историки времен Ханьской и Танской династий еще не решали вопроса об их племенной (этнической) принадлежности. Задачу эту раньше приходилось самостоятельно решать представителям русской и западноевропейской науки; однако в новейшее время этим же делом занялись и передовые китайские историки и этнографы. Принятое в отношении одного народа решение о его происхождении охватывало, естественно, все остальные народы, связанные, по китайским сообщениям, общей линией происхождения. В таких случаях необходимо было избегать любой предвзятой точки зрения, иначе вся цепь доказательств оказывалась ошибочной от первого звена до последнего, как противоречащая китайскому порядку взаимосвязи между отдельными народами.

Предложенное Бичуриным решение данного вопроса было четким и недвусмысленным. Он исходил из общего положения, подкрепляемого китайскими историческими со-

¹² Там же. С. 220.

¹³ Там же. С. 301.

¹⁴ Там же. С. 142.

¹⁵ Там же. Т. I. С. 149.

¹⁶ Там же. С. 362.

¹⁷ Там же. Т. II. С. 72.

общениями о народах Центральной Азии с древнейших времен: «На всей полосе Средней Азии (что, по терминологии Бичурина, включало и понятие Центральной Азии. — *Н.К.*) от Восточного (Тихого) океана на запад до Каспийского моря искони обитали те же самые народы, которые и ныне населяют сию страну; вели тот же самый образ жизни, какой ведут потомки их по прошествии 2000 лет, находились в тех же пределах, в которых последние и ныне живут, с небольшим изменением в пространстве»¹⁸.

В другом месте Бичурин уточняет это высказывание так: «Географы разделяют Азию на две половины: восточную и западную; а восточную сама природа разделила на две части, Азию южную и среднюю. Цепь первозданных гор, под различными названиями идущая от Корейского залива на запад до Памира, составляет как бы естественный рубеж между южною и среднею Азией. От сего рубежа по склону к юго-западу обитают разные народы индийского происхождения... по склону к северу живут одни среднеазиатские племена. Из них тунгусы издревле заняли восточное поморье от Корейского залива на север до Большого Хинганского хребта; потом от Яблонного хребта пошли далее к северу по Витиму, Олекме, Лене, Илимю и двум Тунгускам; на западе ограничились степями по рекам Гиринь-уле, Нон-мурени и Аргуни; от Лены не простирались далее Енисея. Монголы раскинули свои юрты от Ляо и Аргуни на запад до озер Тэмурту-нора и Хонхоту-нора, на северо-запад по Ангаре до Енисея; и сим образом они заняли монгольскую степь и песчаный бассейн между Небесными горами (Тяньшань. — *А.Р.*) и Алтаем; на западе они не переходили за Памир. Тюрки расселились в плодородных долинах между Южными (Наньшань или Куэнь-лунь) и Небесными горами от Халхи до Кашгара и Тюркистана; далее от Памира к западу они заняли обширный песчаный бассейн между Аму- и Сир-дариею; потом, поворотив от плоских аральских и каспийских берегов на север по Уралу, обогнули большое пространство земель прямо на восток и прошли по северную сторону Алтая к Енисею. Вот очерк земель, в древности занимаемых тремя среднеазиатскими народами!»¹⁹.

К этому очерку дается следующее важное пояснение:

«История древних среднеазиатских народов хотя не говорит определительно, сколь давно существуют они и откуда ведут свое происхождение: но некоторое сходство у монголов в обыкновениях и грамматических формах языка с тунгусами и тюрками довольно обнаруживает, что помянутые три народа произошли от одного корня, но разделение корня их на три ветви, т.е. на три племена, без сомнения, случилось во времена отдаленные от нас: потому что почти за двадцать пять столетий до Рождества Христова монголы и тунгусы в китайской истории представляются как два самобытные народа. Одни тюрки, по причинам отдаленности, несколько позже познакомились с жителями Срединного государства»²⁰.

Однако, в представлении И. Бичурина, монгольский народ, игравший, как он говорит далее, такую преобладающую роль в Центральной Азии с древнейших времен, в различные эпохи своего существования не был одинаков, а менялся, так что необходимо проводить разницу между ранними и позднейшими или современными монголами или, пользуясь словами Бичурина: «И так происхождение монгольского народа и Дома Монгол, от которого сей народ получил народное название, суть две вещи, совершенно различные между собою. Начало монгольского народа уходит за двадцать пять веков до Рождества Христова; Дом Монгол, напротив, возник в начале IX, усилился в начале XII, основал Монгольскую империю в начале XIII столетия до Рождестве Христове»²¹. Происхождение Дома Монгол разъясняется Бичуриным так:

¹⁸ Там же. Т. I. С. 12.

¹⁹ Там же. С. 375–376.

²⁰ Там же. С. 375.

²¹ Там же. С. 380.

«С возвышением киданей показались с Амура Черноречные Мохэ под народным названием Татань. Пользуясь тогдашним совершенным изнеможением монголов, они спокойно перешли через границу их на запад и, спускаясь по юго-западному склону гор к Чахару, наконец, осели на опустевших северных отлогостях хребта Инь-шань. От сих-то Черноречных Мохэ монголы получили нынешнее народное название монгол... И так основатели Монгольской Империи были не коренные монголы, а тунгусы, которые пришли в Южную Монголию с Амура»²².

Позднейшими исследованиями доказано, что татани (или дада, китайская транскрипция наименования монголов — татар) составляли особое монгольское, а не тунгусское племя, жившее в районе Амура и его южных притоков. Сам Бичурин в сущности подтверждает это: «Хотя в Истории не означено место, из которого Черноречные тунгусы тронулись в Монголию: но это видно из соображения местностей и обстоятельств. Черноречные тунгусы занимали правую сторону Амура в верховьях сей реки; на юге они граничили с Фууй; на западе были в соседстве с ойхорами [хойху]. Они еще назывались Мынву-Шивэй»²³. О племени Шивэй нам теперь известно, что они были монголами и что именно к ним относится наименование татар орхонских надписей. О близости шивэйцев к киданям, которые также были монголами, говорит и Бичурин, называя тех и других монголами. Вот его собственные слова: «Киданьцы не одной отрасли с Кумохи (см. выше. — *Н.К.*), но от одного корня или племени»²⁴. К этому Бичурин делает примечание: «Т.е. Киданьский Дом происходит от первобытных монголов»²⁵. И еще: «Шивэй одного племени с киданью»²⁶. Здесь Бичурин также делает примечание: «Т.е. владетельный Дом Шивэй происходит от племени монголов»²⁷.

Называя киданей первобытными монголами, Бичурин как их, так, следовательно, и их предшественников, более ранние монгольские племена, противопоставлял определенно позднейшим монголам чингисовских времен, от которых идут и современные монголы, в первую очередь халхасцы. Таким образом, нельзя говорить, что Бичурин смешивал оба понятия — ранних (у него «первобытных») монголов и позднейших (у него «Дома Монгол»), в чем упрекали Бичурину его современники и позднейшие исследователи, обвинявшие его в увлечении теорией монголизма.

Действительно, на первый взгляд его утверждение, что хунну, дулгасцы (как называл Бичурин народ тукюе) и ойхоры (как называл Бичурин хойху или уйгуров) — все были монголы, идет вразрез с установленными уже в его время и позже окончательно подтвержденными фактами о принадлежности тукюесцев и уйгуров к тюркской народности и языку. Сам Бичурин отмечал в своем труде: «Ориенталисты Западной Европы пренебрегли уверением китайской истории, а обратили внимание на созвучность тугю с тюрки и приняли в основании, что монголы, известные под народным названием дулга, были тюрки; а как предки дулгаского Дома происходили из Дома хуннов, то и хунны были народ тюркского же племени. Сие-то смешение монголов с тюрками повело ученых Западной Европы к превратным понятиям о народах монгольского племени, обитавших в Средней Азии в древние времена»²⁸.

Следовательно, Бичурин, вопреки этому мнению востоковедов Западной Европы, в своих построениях относительно связи между монголами и тюрками целиком исходил из свидетельства китайской истории, а китайская история уверяет, как понимал ее Бичурин, что имя «Ди» было общее название разным поколениям монгольского

²² Там же. С. 376.

²³ Там же. С. 380.

²⁴ Там же. Т. II. С. 74.

²⁵ Там же. С. 74, примеч. 1. Разрядка моя. — *Н.К.*

²⁶ Там же. С. 76.

²⁷ Там же, примеч. 1.

²⁸ Там же. Т. I. С. 220.

происхождения, кочевавшим на севере Китая, в нынешней южной Монголии, почему китайцы еще называли их «Бэй-ди, северные Ди»²⁹.

Это наименование «бэй-ди» прилагается китайскими авторами в дальнейшем к хуннам и восточным ху (дун-ху). В настоящее время нам известно, что дун-ху, как и народы, вышедшие из среды их, — ухуань, сяньби, юйвынь, хи (кумохи), кидань, шивэй и пр. — все были монголами (точнее, ранними монголами). Следовательно, в этой части мнение Бичурина о монгольском происхождении бэй-ди и вышедших из этой этнической группы народов вполне подтверждается новейшими исследованиями.

Что касается монгольского происхождения хунну, то близость обоих народов — хунну и дун-ху — в отношении обычаев и языка и принадлежность тех и других к числу «ди» вполне оправдывало установку Бичурина о монгольском происхождении хунну, во всяком случае не противоречило китайским сообщениям об этом народе.

Но как же объяснить, что связанные с хунну позднейшие народы тукюе и уйгуры по языку оказались тюрками. Очевидно, как говорит Бичурин, разделение тюркского и монгольского языков тогда еще не было столь резким, как впоследствии, и хунну и дун-ху говорили на общем или близком для обоих народов языке. Когда же хунну захватили Западный край, где Бичурин указывает, по китайским данным, присутствие тюрков с раннего времени, этнический состав хунну изменился в сторону преобладания тюркских и прочих элементов. Возможно, началось и обособление языка. Еще более изменился этнический состав тукюесцев, родоначальник которых Ашина вышел с Алтая, где уже давно жили тюрки, почему и язык тукюесцев стал определенно тюркским, как и язык уйгуров, вышедших в лице Гаогюй из северо-западного района Китая.

В этом отношении необходимо в свете современных наших знаний внести соответствующую поправку в воззрение Бичурина, тем более что и у него в данном случае проскальзывают соответствующие оговорки, когда он употребляет термин «тюрко-монголы». Но для большей половины Центральной Азии, именно восточной, мнение его о монгольском происхождении смежных народов и племен остается в полной силе.

С предложенной поправкой можно признать правильной общую точку зрения Бичурина на давнишнее и широкое распространение монгольских и монголоязычных народов и племен в Центральной Азии и примыкающей полосе Северного Китая и на раннее выступление их на исторической сцене Восточной и Центральной Азии. Если даже некоторые из народов в позднейших разветвлениях, исходивших от ранних монголов, сказываются тюркоязычными и как бы выпадают из соответствующей линии монгольских народов, какими они должны быть, по классификации Бичурина, то, во всяком случае, на более ранней стадии развития их предки могли быть монголами, какими их принимал Бичурин.

Поэтому мы должны всегда помнить, что Бичурин лишь следовал китайской линии установления взаимосвязи между народами, обычно оправдывающей себя, когда, установив монгольское происхождение хунну, по их соплеменности с дун-ху, делал естественный вывод, что и тукюесцы и уйгуры, происходившие от хуннов, были также монголами, и называл их монгольскими именами.

В этом случае он мог ссылаться также на азиатских (мусульманских) историков, которые устанавливали близость и даже родство между тюрками и монголами. Об этом может свидетельствовать следующая выписка из труда Бичурина: «Персидский историк Хондемир, почтита Тюрка главою двух Домов — Татар и Монгол, господствовавших в Монголии, называл Монголию Тюркистаном (См. Историю Монголов, переведенную с персидского Г. Григорьевым, стран[ица] 2)³⁰. Тюркский историк

²⁹ Там же. С. 11.

³⁰ История монголов от древнейших времен до Тамерлана. Пер. с перс. В.В. Григорьева. СПб., 1834. О В.В. Григорьеве подробнее см.: *Веселовский И.И.* Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. С приложением портрета и факсимиле. Издание Императорского Русского археологического общества. СПб., 1887.

Абюльвази-кази-хан хотя производит монголов от Тюрка, но нынешние тюркские племена, т.е. говорящие татарским языком, почитает не одного племени с монголами. (См. Историю о татарах. Ч. II, гл. 2, стран[ца] 52.) Он называет Монголию Могульской державою, а под Тюркистаном понимает оседлые владения в Средней Азии, как то: Коканд и пр[очие]». (См. Ч. III, гл. I, стран[ица] 421 и следующие)³¹.

«Странно, — продолжает Бичурин, — что на монгольском языке нет слова тюрки; а персидский историк, производя монгольских владетелей от Тюрка и называя их владения Тюркистаном, самих монголов не называет тюрками и разделяет сей народ на татар и монголов, по имени двух близнецов, родившихся от Или-хана (потомка Тюрка в седьмом поколении. — *Н.К.*). По сему разделению азиатские историки восточных монголов называли татарами, а северных монголами» (См. Историю о татарах. Ч. II, гл. 2, стран[ица] 62)³².

В другом месте Бичурин поясняет: «Хунну, по азиатским историкам Дом Могулл-хана, царствовал в западной половине Монголии... владения его простирались от Калгана к северу за Байкал, к западу до Тарбагайских гор. Дун-ху, по азиатским историкам Дом Татар-хана, господствовал в восточной Монголии; орда его находилась в средоточии сей страны (в Кáрцинь); владения его простирались на запад до Калгана, на север до Хинганского хребта... Потомки обоих сих Домов взаимно возвышались и упали, и сим образом в двух линиях попеременно господствовали в Монголии тринадцать столетий. В продолжение столь длинного периода из Дома Хуннов произошли Жужань, Дулга (Тукюэ), Ойхор (Хойху); из Дома Дун-ху произошли Ухуань, Сяньби, Кидань; Муки и Тоба считались отпрысками Дома Дун-ху. С падением Дома Кидань пресекалась первая монгольская династия Хунну, продолжавшаяся в родовых поколениях с 1864 года до Р.Х. (когда Шунь-вэй, сын последнего государя из дома Хя-Ся, удалился в Монголию и основал монгольскую династию Хунну. — *Н.К.*) до 1115 года по Р.Х. Место его, после краткого промежутка (31 года) заступил Дом Монгай, донныне продолжающийся в поколениях монгольских князей»³³.

Таким образом, Бичурин использует свидетельство мусульманских историков для подтверждения единоплеменности домов Хунну и Дун-ху и устанавливает совпадение этого свидетельства с сообщениями китайских историков.

Из этих историков Сыма Цянь в 110-й главе «Шицзи» говорит, что еще до времени государей Тхан (Яо) и Юй (Шунь) — оба они царствовали до 24–23-го столетия до н.э. — находились поколения Шань-жун, Хяньюнь и Хуньюй³⁴. Последние два поколения впоследствии стали называться «хунну», как видно из свидетельства китайского комментатора³⁵, тогда как первое поколение, Шань-Жун, или Горных Жуков, было ближайшим соседом Дун-ху и многими китайскими комментаторами отождествляется с теми же Дун-ху³⁶.

Следовательно, уже в столь раннее время обнаруживается близкое соседство и соплеменность³⁷ (монгольская) Хунну и Дун-ху как основной факт, в дальнейшем подтвержденный многими примерами из китайской истории.

³¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах. Т. I. С. 227.

³² Там же.

³³ Там же. С. 32–33.

³⁴ Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961. С. 307.

³⁵ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах. Т. I. С. 39.

³⁶ Там же. С. 43, примеч. 9.

³⁷ Интересно употребление Н.В. Кюнером здесь и на с. 270 термина «соплеменность» в начале 50-х годов. Примерно через четверть века его впервые в советской этнографической науке совершенно самостоятельно стал употреблять Н.Н. Чебоксаров для обозначения группы племен как своего рода этноса, одного из типов этнических общностей первобытной эпохи. См.: Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1935. С. 71.

Все приведенные данные и результаты новейших исследований убеждают нас в правильности взглядов Бичурина относительно монгольского происхождения многих народов, которых его современники и позднейшие исследователи не признавали за монголов. И только в наше время, при значительном содействии со стороны передовой китайской науки их монголизм был вновь подтвержден, а с Бичурина снято тяготевавшее на нем столь долгое время обвинение в ошибочности и преувеличенности его воззрений по данному вопросу.

Так как во всех этих случаях Бичурин опирался на китайские исторические сообщения, то отсюда следует единственно возможное заключение.

Китайские историки уже в ранний период истории отношений Китая с другими народами правильно изображали генетическую связь между различными народами, вступавшими последовательно в сношения с Китаем. Поэтому достаточно бывает определить с помощью современных данных, которыми еще не располагали ранние китайские историки, племенную (этническую) или лингвистическую принадлежность одного какого-нибудь народа из числа упоминаемых в китайской истории, чтобы подойти ближе к решению вопроса о происхождении или этнической и лингвистической принадлежности всех прочих народов, с которыми данный народ был связан, по свидетельству китайских историков.

Так и поступал Н.Я. Бичурин, неизменно следовавший этому правилу в своих высказываниях о происхождении различных народов. Правильность основного положения позволила Бичурину разработать широкую и продуманную классификацию народов Центральной Азии по трем этническим группам. Эта классификация, ранее нередко подвергавшаяся сомнению, ныне почти полностью, за отдельными исключениями, получает признание, а остающиеся еще исключения постепенно находят объяснения и убедительные доводы в пользу устойчивости и правильности классификации в целом.

«Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии с древних времен» — один из важнейших вкладов, внесенных Н.Я. Бичуриным (о. Иакинфом) в изучение истории Центральной Азии.

Данный труд по-прежнему остается основой нашего изучения истории Центральной Азии, поскольку она разрабатывается с помощью переводов из богатейшей китайской исторической литературы.

Summary

N.V. Küner

N.Ya. Bichurin and the studies of the Central Asian history

(based on the materials of his

**“Collection of information on the peoples
who inhabited the Middle Asia in ancient times”)**

Introduction and publication by A.M. Reshetov

In his article N.V. Küner shows that the work by Bichurin on the peoples of the Central Asia in ancient times is based on the Chinese documents which are a precious source for the studies of the origin of the Central Asian peoples and their ethno-genetic relations. The material on the Mongols, who appear under various names in the Chinese sources, allowed Bichurin to subdivide their history into two periods. The early period is the time when the Turko-Mongolian unity was hidden under a common ethnonym (thus ethno-genetically related Hunnu, Tukye and Uighurs became Turks). The later period is the Mongolian period proper.